
Думская биографика

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АРОНОВ

*доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой
«Философия и история» Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего профессионального
образования «Государственный университет – учебно-научно-
производственный комплекс» (г. Орел)
E-mail: aronovdv@mail.ru*

Статья посвящена реконструкции биографии одной из главных фигур российского либерализма начала XX в. С.А. Муромцева. Особое внимание уделяется неясным моментам его биографии, относительно которых существуют отрывочные либо противоречивые данные. Отдельно рассматривается думский период его деятельности и последующий период политической активности.

Ключевые слова: Муромцев Сергей Андреевич, история российского либерализма, история Государственной думы, методология создания научной биографии.

Сергей Андреевич Муромцев – первый спикер: опыт научной биографии

Страна и эпоха накладывают на процесс становления каждого человека свой отпечаток и, как правило, составляют неповторимую индивидуальную фигуру из элементов, для них типичных, характерных. Жизненный опыт, в широком смысле этого слова, с включением в него усвоенных или отвергнутых семейных традиций, сословных и религиозных обычаев, традиций, предрассудков и т.п. предполагает, с одной стороны, разделение людей на различные социальные группы, а с другой стороны, существование внутри этих социальных групп некоторой общности мировоззрения, глубокую индивидуальность которому при-

дает нетипичный, сугубо индивидуальный опыт каждой конкретной личности. Нестандартных для России элементов жизненного опыта в судьбе любого из российских либералов было предостаточно.

Незадолго до своей безвременной кончины, когда к нему пришла действительно всероссийская известность, С.А. Муромцев всегда относил обращения к нему от населения приветствия, выражения сочувствия и т.п. на счет авторитета представляемого им учреждения, персонализируемого по неистребимой отечественной привычке¹. Больше всего его беспокоило то, что почитанием отдельных личностей русское общество было склонно заменять недостаток настоящей активности. Отвечая одному из знакомых после Выборгского процесса, он писал: «Да, было бы хорошо, если бы интенсивности, проявляемой общественным чувством, в минуты его видимого обнаружения соответствовала его прочность ... Но вот в чем, живя долго, приходится терпеть разочарование. Личным почитанием своих избранников как часто русские люди стремятся возместить недостаток активной поддержки! В этом отношении есть, пожалуй, что-то религиозное, напоминающее почитание всякого рода страсотерпцев, но мало политическое»².

Наверное, не будет большим преувеличением сказать, что здесь речь идет об извечных проблемах создания биографии публичной политической фигуры. Собственно проблема создания биографий политических деятелей связана во многом с тем, что, будучи фигурами публичными, они неизбежно «продолжают жить после смерти», получая от современников в качестве биографии либо нечто апокрифическое (во всех смыслах данного слова) от соратников по борьбе, либо жизнеописание некоего зверя во плоти от своих политических оппонентов. На долю потомков, которые уже знают иную историческую правду, но также так или иначе являются приверженцами того или иного течения общественной мысли, достается создание научной биографии из которой, согласно законам жанра, зачастую уходит то, что собственно делает человека человеком, а не превращает его в черточку между, как сказал Александр Блок «Годами рожденья и смерти / И ворохом скверных цитат...»³

Рассмотрим теперь означенную проблему на примере председателя Первой Государственной думы Сергея Андреевича Муромцева. Применительно к С.А. Муромцеву можно говорить о двух этапах создания его биографии, различающихся в числе прочего и степенью их апокрифичности. Первый из них относится к 1910–1911 гг., когда его внезапная кончина, а он умер в возрасте 60 лет, была активно использована в контексте тогдашней общественно-политической ситуации политическими силами. Собственно соратниками С.А. Муромцева по либеральному лагерю и были сделаны первые шаги по уве-

ковечиванию памяти о нем, в том числе и в части первых опытов создания его биографии. Здесь, если не считать ряда весьма «тощих» брошюр⁴, следует упомянуть сборник статей «Сергей Андреевич Муромцев»⁵, состоявший из отдельных статей, написанных ближайшими сподвижниками Сергея Андреевича по либеральному лагерю и расположенных в хронологическом порядке. Из-за спешки при подготовке сборника в него не включили справочно-библиографический аппарат, а целый ряд эпизодов биографии описан на основании воспоминаний современников. Кроме того, общая логика сборника, издание которого помимо прочих преследовало и вполне конкретные агитационные цели, заложила традицию формирования образа С.А. Муромцева как истинного рыцаря либеральной идеи, весь жизненный путь которого был детерминирован его приверженностью идеалам либерализма. Во многом, как показывает последующее обращение уже современных исследователей, к биографии С.А. Муромцева, это действительно так. Однако пропагандистская заданность сборника, события, связанные с началом Первой мировой войны, революциями 1917 г., надолго оставили вне исследовательского внимания целый ряд эпизодов биографии С.А. Муромцева. Прежде всего речь идет о событиях, связанных с I Государственной думой и проблемами формирования «правительства народного доверия», Выборгским воззванием, оценками перспектив развития России после июня 1907 г., о которых в те годы речь шла лишь в отдельных брошюрах и воспоминаниях либеральных политиков.

В советское время биография С.А. Муромцева, как впрочем и иных либеральных политиков, в качестве специального предмета исследования не рассматривалась. Официальная историография ограничивалась справочными статьями в энциклопедических изданиях. Причины этого вполне известны, можно отметить лишь то обстоятельство, что, уйдя из жизни до революционных событий 1917 г., Гражданской войны и эмиграции, С.А. Муромцев, тем не менее, успел заслужить несколько нелестных ленинских оценок⁶. Некоторое исключение в этом отношении представляет монография В.Д. Зорькина⁷. Однако в ней речь идет о специфике возникновения и развития в России такого направления юридической мысли как социологический позитивизм, одним из основателей и адептов которого и был С.А. Муромцев. Собственный биографический очерк, предпосланный основной части работы, более чем краток и не выходит за рамки традиционной советской историографии либерализма.

Новый этап в развитии отечественной историографии, о чем непременно упоминается в соответствующих местах научных работ, выполненных в классическом жанре научного исследования, наступает в 90-е гг. XX в. Во многом это действительно так. Отказ от известных

идеологических догм, открывшийся доступ к ранее закрытым фондам архивов и библиотек значительно расширили сюжетную базу исследований отечественных историков, в том числе и в жанре научной биографии. Что же до героя нашего повествования, то интерес к нему возник в середине 1990-х гг., когда свет увидели работы А.Н. Медушевского⁸, Л.П. Муромцевой⁹, М.А. Кривоноса¹⁰. Отдал дань этой тематике и автор настоящей статьи¹¹. В этих трудах были использованы доступные исследователю материалы архивных фондов ГА РФ, РГИА, РГАСПИ, РГАЛИ, ОР РГБ, РНБ, уточнены эпизоды биографии, либо не нашедшие отражения в посмертных изданиях, посвященных С.А. Муромцеву, либо лишь мельком упоминаемые в них. В материалы научной биографии были введены сюжеты, связанные с изучением комплекса научного наследия С.А. Муромцева, и прежде всего общественно-политического. Принципиально важным стало использование материалов мемуаров Ф.А. Головина, расходившихся в оценке ряда постдумского периода в жизни С.А. Муромцева с позицией, которая была представлена в официальных партийных изданиях. Однако концептуальных изменений в подходе к биографии С.А. Муромцева не произошло, и сегодня мы можем констатировать, что в отечественной историографии представлен один вариант биографии Сергея Андреевича Муромцева, основанный на дореволюционной либеральной концепции, заложившей традицию создания поступательного и неуклонного пути героя нашего повествования от юношеского увлечения либеральными идеями, воспитанными в дворянской, в лучшем смысле этого слова, среде к посту председателя Первой Государственной думы России.

Крайне интересно было бы использовать в качестве источника результаты собственной работы С.А. Муромцева над своей родословной и биографией. Незадолго до смерти он начал эту работу, свидетельством чему являются машинописные копии (сотни страниц) его переписки, копии послужных списков и два уцелевших коротеньких фрагмента набросков его автобиографии. Прочие материалы, по свидетельству современников, Муромцева не устроили и были им уничтожены. Период университетской деятельности С.А. Муромцева может быть восстановлен на основе фондов МГУ в ЦИАМ, которые, судя по всему, еще неполностью введены в научный оборот.

Соответственно можно говорить о том, что, несмотря на ряд монографических изданий, фундаментальных очерков и энциклопедических статей, биография Сергея Андреевича Муромцева вряд ли является исчерпывающе изученной страницей отечественной истории. Обращаясь собственно к основным вехам биографии С.А. Муромцева, попробуем хотя бы в самом общем виде проиллюстрировать те ее эпизоды, где, как нам представляется, есть место для будущих исследований.

Собственно первый из таких эпизодов связан с определением столь популярного сегодня концепта как формализация малой родины героя политической биографии. Формально, по месту рождения, малой родиной С.А. Муромцева является Санкт-Петербург, где в казармах лейб-гвардейского Московского полка он родился 23 сентября (5 октября) 1850 г. Отец Муромцева, Андрей Алексеевич, происходил из старинного дворянского рода, генеалогия которого прослеживается с XVI в. В 1854 г. отца Муромцева производят в полковники и назначают командиром Второго гренадерского запасного полка¹². С 1855 по 1858 гг. семья Муромцевых переезжала четыре раза. В 1858 г. переезды заканчиваются, отец Муромцева выходит в отставку и покупает себе новое имение – Лазавку (в настоящее время Новодеревеньковский район Орловской области), где посвящает себя сельскому хозяйству. Оно расположено недалеко (немногим более 30 км) от одного из родовых имений семьи Предтечево в Новосильском уезде Тульской губернии (ныне Елецкая область), кстати ранее также входившей в Орловскую область. Может на роль малой родины нашего героя претендовать и Москва, где он учился в гимназии, закончил университет, подростком впитывал в себя дух «великих реформ».

Современники характеризовали Муромцевых как людей добросердечных, благожелательных, в соответствии с эпохой демократичных, отличавшихся веселым нравом и врожденным чувством юмора и вместе с тем определенным легкомыслием¹³. Отличительной чертой Муромцевых была их сплоченность и дружба. В воспоминаниях отмечается традиционное, многолетнее поддержание тесных родственных связей¹⁴.

Первоначальное воспитание Сергей Муромцев получил под непосредственным руководством матери, женщины тихой, беззаветно преданной семье и посвятившей себя обустройству ее быта, заботам о детях, особенно нежно любившей своего старшего сына (родившиеся до него двое мальчиков умерли младенцами). Отец Муромцева в воспитание детей не вмешивался, держался от них несколько отдаленно, ограничивая свое участие в этом процессе оплатой их обучения, и практически не наказывал их. Это традиционно связывают с тем обстоятельством, что Андрей Алексеевич Муромцев был весьма вспыльчив и не всегда умел сдерживать свой гнев¹⁵.

Интересы детей формировались под влиянием разговоров взрослых (прежде всего военных), посвященных войне, военной службе и обо всем, связанном с этим. К военным интересам присоединился интерес к сельскому хозяйству, оставшийся у Муромцева до конца жизни. В соседнем с Лазавкою имении Предтечево в семье дяди Семена Алексеевича юный Сергей Муромцев присутствовал при обсуждении взрослыми проблем, касавшихся Великих реформ, преимущественно

судебной и земской. В дальнейшем это отразилось на формировании его личности в подростковом возрасте¹⁶.

Муромцев сам вспоминал о том влиянии, которое оказали на него в детстве разговоры взрослых о военных делах. «Можно родиться в половине столетия, — писал он, — а чувствовать себя как бы живущим с самого начала его. Благодаря живым рассказам деда по матери Николая Андреевича Костомарова, участвовавшего молодым офицером в кампании 1814 г., эпоха Отечественной войны запечатлелась в моей памяти так, как будто бы переживалась лично. Рассказы бабушки, бывшей на 16 лет моложе своего мужа и пережившей в десятилетнем возрасте 1812 год, пополняли картины того времени подробностями треволнений, пережитых в условиях домашней обстановки. Художественные образы «Войны и мира» вплетались потом в уже готовую канву семейных преданий. Воспоминания отца и дядей относились к николаевскому времени. Самого Николая я видел однажды из окна казармы лейб-гвардии Московского полка во время ученья, происходившего во дворе казарм»¹⁷.

Иного рода впечатления остались в памяти Муромцева о конце описываемого десятилетия. Раз в неделю в Лазавку доставлялись выписанные отцом «Московские ведомости», семья собиралась по вечерам в столовой, и газета читалась вслух. Особый интерес возбуждали громкие события, происходившие в Европе. В памяти Муромцева особенно остро запечатлелись разговоры о подвигах Гарибальди. Почти через полвека он вспоминал, как «в массе русских семейств с замиранием сердца ожидали и с восторгом принимали известия об успехах освободительного движения в Италии. Мы, подрастающее поколение, слушая старших, принимали живое участие в общем восхищении, и образы Гарибальди и его соратников навсегда запечатлелись в нашей памяти, как светлые образы героев национального освобождения»¹⁸.

Интерес юного Муромцева к политическим проблемам отразился и на его детских играх. В литературе упоминается эпизод, связанный с организованной им совместно с братьями и сестрами игрой в «государство». Основой игры послужила найденная в библиотеке книга отца «Справочная книжка для русских офицеров» и, возможно, разговоры старших, прежде всего дяди, Сергея Алексеевича, услышанные Муромцевым в Предтечеве.

Его игрушечное государство «Лазавка» было не самодержавным, а конституционным, в нем имелись две палаты: Государственный совет и Палата депутатов, помещавшиеся в двух беседках деревенского сада. Государство было разбито на губернии и уезды, которые были тщательно нанесены на карту «Государства Лазавки». При этом определение масштаба и съемка территории, всего более семи гектаров, были произведены при помощи самодельных инструментов. Государство раз-

вивалось во времени и пространстве, завоевывая близлежащие местности; были присоединены царства: «Гумно», «Спарта» (скотный двор), «Дементьево», «Малая Лазавка» и т.д. Муромцев выдавал сестер замуж за воображаемых правителей завоеванных держав, проводил в них реформы, строил города и т.д. Позднее он напишет историю своего государства, поместив его в Малой Азии на берегу моря, с точной хронологией и описанием исторического развития. Переезд в Москву для обучения не прервал эту игру, а продлил ее на несколько лет, обогатив знаниями, полученными в гимназии¹⁹. В связи с этим, конечно, небезынтересно было бы узнать, насколько подобная игра вообще была характерна для подростков той эпохи или это было уникальное явление, характерное для юного Муромцева. Следует отметить, что данный эпизод его биографии является одним из наиболее растиражированных в современном информационном поле.

В возрасте 9–10 лет юного Сергея Муромцева увлекла еще одна игра – ежедневная газета, по образцу московских, получаемых отцом в деревне, издававшаяся им на протяжении двух лет. Каждое утро на чайном столе, рядом с отцовским местом, лежал свежий номер, составленный вечером на основании собранных на кухне, в детской, в саду «сотрудниками редакции» (братьями и сестрами) сведений. Позднее по этой газете взрослые иногда наводили справки, кто из детей и когда заболел, что произошло в хозяйстве и т.п.²⁰

Эпизоды детства Муромцева, прошедшего в Лазавке, показывают, как рано начал определяться круг его будущих интересов, связанных с жизнью страны. Но к осознанному пониманию окружающей действительности он придет позже, в начале 1870-х гг. В сентябре 1860 г. Муромцева, которому исполнилось 10 лет, родители увезли в Москву для продолжения образования в гимназии.

Годы, проведенные в родительском имении Лазавка, стали определяющими для его последующего жизненного пути. Выросший в среде служилого дворянства, сохранившего в его роду лучшие черты этого сословия, юный Муромцев прошел традиционный путь как в области образования, так и по части семейного воспитания. Можно говорить о том, что имения Муромцевых, расположенных на территории нынешней Орловской области, были теми уникальными гнездами, где сохранялся дух подлинно высокой дворянской культуры, в сочетании с непреходящими общечеловеческими либеральными ценностями давший России уникальную плеяду либеральных политиков. Гимназическое образование не оказало на юного Муромцева, судя по его воспоминаниям, сильного влияния. В письмах, написанных в период учебы в последних классах, и более поздних своих записях он отмечал: «Я начинаю убеждаться, что ни одно учебное заведение не может быть воспитателем во всей полноте и что главная движущая сила в

воспитании составляется семейством»²¹. Вообще же, анализ его переписки за 1866 г., т.е. ко времени окончания гимназии, показывает, что он уже был сложившейся личностью, у которой самостоятельная работа над собой, выбор интересующих областей знаний были больше связаны с влиянием семьи и собственными взглядами на будущую жизнь, чем с воздействием гимназии и учителей.

Подростковые годы Муромцева приходятся на время реализации в России целого ряда коренных преобразований. К числу наиболее радикальных относилась земская реформа, Указ о которой был обнародован 1 января 1864 г. Дискуссии в земских собраниях не могли по своему накалу и уровню ораторского красноречия сравниться с судебными процессами, но и они привлекали публику на свои заседания самим фактом обсуждения общественностью насущных проблем повседневной жизни.

На этом фоне продолжают формироваться и общественные интересы Муромцева. От услышанных в детстве разговоров о великих реформах он переходит к непосредственному знакомству с деятельностью новых судебных и земских институтов в России, он следит за прениями и важнейшими постановлениями московского земского собрания, часто посещает судебные процессы, обсуждает их в переписке с родственниками, подбивает отца «выбираться в Новосиле в председатели съезда мировых судей» и т.д. И вот на страницах писем этого юноши встречается фраза, сделавшая бы честь и более опытному человеку, о склонности «почти всех более или менее способных людей, если не в столицах, то в провинциях... отклонить от себя заботу быть избираемым в какую-либо общественную должность»²².

Этот круг симпатий и интересов, очевидно, был определен не школой. Здесь заметно влияние дяди Семена Алексеевича, отставного конно-артиллерийского офицера, которое, по признанию самого Муромцева, имело для него решающее значение. «Вольтерьянец, вольнодумец, как его звали в уезде, весьма образованный по своему времени человек, резкий на слова, но добрый по существу, он был грозой местных властей, священников и полиции, и вместе с тем, защитником обездоленных»²³, заслужившим популярность среди населения сначала в роли мирового посредника, а позднее — мирового судьи. Он возбудил в племяннике интерес к проводившимся тогда реформам: судебной, земской, городской. Общение с ним помогло формированию у Сергея Муромцева критического отношения к чужим мнениям и истинам. Посылая дяде свою диссертацию, он писал: «Вы прикосновенны, и очень прикосновенны к моему сочинению. Вы были человеком, у которого я с детства научился относиться критически к окружающему и не поддаваться чему-либо бессознательно, потому только, что оно есть старое. У Вас я впервые научился смелости, с которой

следует громить предрассудки, каждый раз, милый дядя, когда мне приходится браться за новое дело и вести его с борьбой против всяких предрассудков, невежества, пошлости, передо мною восстает Ваш образ, служащий мне символом борьбы за правду. С самого детства я привык видеть в Вас человека, который ставил своею жизнью такую борьбу и имел достаточно мужества и перед властью и перед толпою (которая подчас бывает опаснее власти), чтобы делать свое дело до конца, как следует»²⁴.

Оставшийся после окончания юридического факультета при университете для подготовки диссертации Муромцев полностью посвящает себя научным занятиям. Сдав экзамены, он закончил свою магистерскую диссертацию «О консерватизме в римской юриспруденции». Диспут по диссертации состоялся 5 апреля 1875 г., и по его результатам не только было вынесено положительное решение, но ему была предложена кафедра.

Следующее десятилетие (1875–1884 гг.) было самым плодотворным в научной жизни С.А. Муромцева. Именно в это время им были написаны непосредственно связанные с научной и педагогической деятельностью в университете научные труды²⁵. На этот период приходится наиболее активная работа в Юридическом обществе и его печатном органе «Юридическом вестнике». Муромцев выступал на общественно-политической арене в качестве городского и губернского гласного, в роли публициста и политического мыслителя. Несомненно, что этот всплеск активности в жизни Муромцева непосредственно связан с пробуждением общественного самосознания самых широких слоев российского общества.

В 1876 г. он, собрав материал, необходимый для работы над диссертацией, теперь уже докторской, отправляется в деревню. Самоотверженная работа над сочинением «Очерк общей теории гражданского права» принесла свои плоды: диссертация была окончена к ноябрю и защищена 3 декабря 1877 г. Муромцев получил степень доктора гражданского права, а с 22 февраля 1878 г. он утвержден ординарным профессором по кафедре римского права²⁶. В этот период начинается и активная земская деятельность Муромцева, но она, несмотря на его членство в Новосильском и Тульском земстве, всецело связана с Москвой.

В начале восьмидесятых годов в жизни Сергея Андреевича Муромцева происходит судьбоносное событие. В 1882 г. заканчивается холостяцкий период его жизни. Он сочетается браком с известной оперной певицей Большого театра Марией Николаевной Климентовой, бывшей в юности первой исполнительницей партии Татьяны в опере П.И. Чайковского «Евгений Онегин». Климентова-Муромцева была женщиной талантливой и незаурядной, она переписывалась со

многими известными людьми своего времени, была дружна с семьей Л.Н. Толстого, часто навещала их в Хамовниках и Ясной Поляне, пела для Льва Николаевича, который считал ее не только замечательной певицей, но еще и увлекательной рассказчицей²⁷.

В следующем году, 9 мая, у Муромцевых рождается первая дочь Ольга, а 23 сентября 1884 г. вторая – Мария. В жизни Муромцева начался новый период, тесно связанный с Лазавкой и характеризующийся значительным сокращением общественной активности, отходом от политической публицистики. Больше место занимает личная жизнь и наконец-то обретенное семейное счастье. Из переписки с ближними в значительной мере уходит общественно-политическая тематика, ее место занимают подробности личной жизни, быта, хозяйства в Лазавке, где семья проводит немало времени²⁸.

Последующие годы, вплоть до возвращения к активной политической жизни в 1904 г., Муромцев регулярно бывает в родном ему имении, проводит здесь летние месяцы вместе с семьей, ведет хозяйство. Но судьбе было угодно распорядиться так, что Муромцеву, подобно многим его соратникам по либеральному движению последней трети XIX века, не суждено было закончить свои дни в деревне, вспоминая на досуге либеральные мечты юности.

Звездным часом Муромцева стала вторая половина первого десятилетия XX века. С общественным подъемом в России началась и новая страница его политической биографии. Именно тогда он вписал свое имя в политическую историю России как председатель ее первого парламента, выдающийся деятель либерального движения.

Однако возвращение Муромцева в большую политику одновременно означало и ослабевание, а потом и полное прекращение личных контактов с тем местом, где прошли его детство и во многом юность, где он скрывался от соблазнов света для научной работы. Последний раз он непосредственно занимался ведением хозяйственных дел в 1901–1903 гг., когда после смерти матери, к которой он всю жизнь испытывал чувство нежной привязанности и даже после женитьбы постоянно жил с ней в одном доме, он уехал в ставшую родной Лазавку. В это время из переписки Муромцева исчезает какая бы то ни была общественно-политическая тематика. Она целиком посвящена хозяйственным заботам, планам летнего отдыха и маленьким семейным новостям. Его коллеги по университету, общественной деятельности отмечали, что в первые годы века для Муромцева было характерно крайне угнетенное настроение²⁹.

Последующие же годы не оставили Муромцеву времени для поездок на малую родину. Земские съезды, кафедра председателя Первой Государственной думы, Выборг, камера 86 заключенного Таганской тюрьмы, внезапная смерть в октябре 1910 г. – таковы узловые вехи его

биографии в 1904–1910 гг.

К этому периоду относятся и эпизоды его биографии, которые вряд ли могут быть реконструированы с достаточно высокой степенью верификации. Прежде всего речь идет об эпизодах периода Первой Государственной думы, связанных с возможным участием кадетов в работе правительства, а также с известным соперничеством среди кадетов за пост премьера или министра внутренних дел. Отсутствие достоверных архивных источников и явные противоречия в мемуарах С.Е. Крыжановского, П.Н. Милюкова, Д.Н. Шипова вряд ли позволят окончательно решить спор о том, насколько Муромцев стремился к вершинам власти. В этом контексте следует более подробно оценить степень обоснованности его обвинения соратниками по партии в постулировании превосходства власти законодательной над исполнительной и нежеланием, в связи с этим, идти на переговоры с правительством.

В этом контексте более подробного рассмотрения заслуживает и оценка С.А. Муромцевым своих перспектив возвращения в политику. Наиболее интересные воспоминания о таких встречах оставил Ф.А. Головин, встречавшийся с ним незадолго до его смерти, и в приватном разговоре предложивший ему поддержать своим авторитетом одну из формировавшихся политических группировок, на что С.А. Муромцев ответил, что «он решил уклониться от непосредственного участия в какой-либо политической группе»³⁰. Далее, по словам Ф.А. Головина, он дал понять, что надеется «на новое революционное движение, на возможность образования республики и на занятие им в таком случае места президента республики»³¹.

Выборгское совещание и участие в нем Муромцева еще при его жизни породили фразу, якобы сказанную им при его открытии: «Господа, заседание продолжается!» Эту совершенно замечательную по степени легендарности фразу, достойную исторических аналогов деэвуировали еще при его жизни. Однако причины подписания им самого воззвания, для него безусловного антиправового, после чего он покидает совещание в силу данного, с его слов, обещания местным полицейским властям, также рассматриваются лишь на основе ограниченного числа эпизодов из мемуаристики.

И, конечно же, богатый материал для исследования дают собственно похороны С.А. Муромцева, а, точнее то действие, которое неизбежно развернулось вокруг них. Судя по донесениям агентов, внедренных в структуры кадетов, занимавшихся похоронами, особых пиар акций они не планировали, предполагая использовать лишь сам факт траурных мероприятий для повышения агитационно-пропагандистской активности партии³². Что касается их политических оппонентов, то один перечень заголовков статей в газетах соответствующей направ-

ленности тянет на несколько статей Уголовного уложения. Кроме того, в разговорах едва ли не впрямую делались намеки на якобы сомнительные обстоятельства смерти Муромцева, последовавшей в гостинице, вне стен собственного дома. Документальных подтверждений, конечно же, не приводилось, но в наследство исследователям остался крепко затянутый узел противоречивых свидетельств.

Истории было дано распорядиться так, что Сергей Андреевич Муромцев успел в последних статьях подвести своего рода итог своему жизненному пути. Классифицируя «высшую степень отрешенности от личного интереса в общем деле» как самопожертвование, он, судя по всему весьма автобиографичен, сопоставляя «мужество мгновенной героической жертвы», которое поражает и привлекает к себе своим ярким блеском» со «спокойной, настойчивой и выдержанной деятельностью, распределенной на долгий период», которая, по его мнению, есть не меньший подвиг³³. Здесь же он сформулировал своеобразный общественно-политический идеал своей жизни. «Держать себя всегда в постоянном соответствии с социальной работой других и строить планомерность своей индивидуальной деятельности на неуклонной верности ее однажды избранной цели»³⁴, — так он невольно подвел своеобразный итог прожитых лет.

¹ Вестник народной свободы. 1906. 43. Стб. 2348; *Муромцев С.А.* Речь, произнесенная в день освобождения из тюремного заключения // *Муромцев С.А.* Статьи и речи. М., 1910. Вып. 5. С. 131.

² Цит. по: *Шаховской Д.* Из последних лет жизни // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 383; *Струве П.Б.* С.А. Муромцев // Русская мысль. 1910. 11.

³ *Блок А.А.* Стихотворения // Электронная библиотека ModernLib.Ru [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.modernlib.ru/books/blok_aleksandr_aleksandrovich/stihotvoreniya/read_19/

⁴ См., напр.: Сергей Андреевич Муромцев. Председатель Первой Государственной Думы. М., 1913.

⁵ Сергей Андреевич Муромцев. Сборник статей К.К. Арсеньева, Н.И. Астрова, С.И. Бондарева, М.М. Винавера, В.Н. и Н.А. Гредескула, Н.В. Давыдова, Н.А. Каблукова, А.А. Кизеветтера, Ф.Ф. Кокошкина, С.А. Котляровского, А.Р. Ледницкого, П.Н. Милюкова, В.Д. Набокова, Н.В. Тесленко, А.А. Цурикова, кн. Д.И. Шаховского и Г.Ф. Шершеневича. М., 1911.

⁶ См., напр.: *Аронов Д.В.* Владимир Ильич Ленин о Сергее Андреевиче Муромцеве // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Орел, 2000. Вып. IV. С. 4–6.

⁷ *Зорькин В.Д.* Муромцев. М., 1979.

⁸ *Медушевский А.Н.* 1) Кем был председатель первой Государственной думы? Генеалогия С.А. Муромцева // Генеалогические исследования. М.,

1994. С. 280–287; 2) Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998; 3) Сергей Андреевич Муромцев // Российские либералы. М., 2001. С. 259–315; 4) «Великий труд на благо избравшего нас народа...» // Российский либерализм: идеи и люди. М., 2004. С. 236–248.

⁹ *Муромцева Л.П.* У истоков российского парламентаризма // Российское государство и общество. XX век: Сб. ст. к 70-летию академика Ю.С. Кукушкина. М., 1999. С. 439–459 и др.

¹⁰ *Кривонос М.А.* С.А. Муромцев // Политическая история России в партиях и лицах / Сост.: В.В. Шелохаев (рук.), Н.Д. Ерофеев, И.Е. Задорожнюк и др. М., 1994.

¹¹ *Аронов Д.В.* 1) Первый спикер // Российские либералы: люди, события, эпоха. Сб. научн. ст., посвященный памяти Е.И. Чапкевича. Орел, 2004. С. 21–41; 2) Научная и общественно-политическая деятельность Сергея Андреевича Муромцева. Орел, 2001; 3) Первый спикер. Опыт научной биографии Сергея Андреевича Муромцева. М., 2006; 4) От Лазавки до Таврического дворца. Сергей Андреевич Муромцев – политик, ученый, педагог. Орел, 2010; и др.

¹² Перечень биографического материала, собранного самим С.А. Муромцевым, выписки, копии // ГА РФ Ф. 575. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

¹³ *Милюков П.* Детские и юношеские годы С.А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 53.

¹⁴ Письма Сергея Андреевича Муромцева к двоюродному брату Владимиру Семеновичу Муромцеву (м/п копии) // ГА РФ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 1–119; Письма С.А. Муромцева к дяде Семену Алексеевичу Муромцеву (м/п копии) // Там же. Д. 4. ЛЛ. 1–9.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 10–11, 15, 24.

¹⁶ Там же. ЛЛ. 1, 112–119.

¹⁷ Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

¹⁸ *Муромцев С.А.* Статьи и речи. М., 1910. Вып. 3. С. 30.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

²⁰ *Милюков П.* С.А. Муромцев // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 4.

²¹ ГА РФ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

²² Там же. ЛЛ. 1–4.

²³ *Милюков П.* С.А. Муромцев // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 7.

²⁴ ГА РФ Ф. 575. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

²⁵ *Муромцев С.А.* 1) О консерватизме римской юриспруденции. М., 1875; 2) О владении по римскому праву, по поводу сочинения Иеринга. М., 1876; 3) Определение и основное разделение права. М., 1879; 4) Суд и закон в гражданском праве. М., 1880; 5) В первые дни министерства гр. М.Т. Лорис-Меликова. Берлин, 1881 и др.

²⁶ Формулярный список о службе сверхштатного экстраординарного

советника С.А. Муромцева. Копия // ГА РФ Ф. 575. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

²⁷ ГА РФ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

²⁸ Там же. ЛЛ. 65–91.

²⁹ Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 98–109.

³⁰ РГИА. Ф. 1625. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.

³¹ Там же; *Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 182.

³² О смерти С.А. Муромцева // ГА РФ. Ф. 102. 4-е Д-во. Оп. 119. Д. 315.

³³ *Муромцев С.А.* Правильный путь // Право. 1908. 9 ноября. Стб. 2476–2477

³⁴ Там же. Стб. 2477.